

ОТ АВТОРА

Почему такое заглавие -- «Выбранные места»? Ну, цитата известно откуда, а неопределенные «места» тем уместнее, что под одной обложкой, с благословения «Азбуки», собраны тексты разных жанров: литературоведческие статьи, эссе, виньетки и даже рассказы, один из которых, этюд в гоголевских тонах, и дал название книге.

Свести воедино столь пестрый набор материалов меня побудило название серии -- «Персона». Я решил воспользоваться случаем и представить читателю все основные виды своей продукции, милосердно исключив лишь плоды давних занятий структурной лингвистикой и сомалийским синтаксисом. Сборник примерно такого рода я себе однажды уже позволил: «Осторожно треножник!».¹ Там были эссе, виньетки и рассказы, проникнутые единым полемико-демифологизаторским задором, кстати, исключавшим собственно научные сочинения. А сочетание эссе, литературных портретов и статей в вольном жанре (но без виньеток, рассказов и академических работ) было опробовано еще раньше, в «Инвенциях».²

Предлагаемая книга – опыт максимально репрезентативного собрания, нового по жанру, а во многом и по составу. Насколько нового?

Мемуарный раздел полностью отличен от недавней книги виньеток³ и содержит, вдобавок к выборке из прежних изданий, полтора десятка новых миниатюр, образца 2015-2016 гг. Расположено все это в по возможности хронологическом порядке, начиная с детских лет.

Под рубрикой «Эссе» публикуются старые и новые опусы, в том числе такие, которые с равным основанием можно было бы отнести к «Статьям» -- литературоведческим (например, «Загробное стихотворение Бунина») или публицистическим (например, «Полюшко-поле»). Добрая половина эссе – посмертные портреты коллег по литературному цеху: М. Л. Гаспарова, Л. Я. Гинзбург, Д. А. Пригова, А. Д. Синявского, А. И. Солженицына, М. И. Фрейдкина, Р. О. Якобсона.

В качестве рассказов выбраны четыре: два, «Аристократка» и «Родословная», из давнего сборника «НРЗБ»⁴ и два более новых: «Выбранные места» (из «Осторожно, треножник!») и «После лыж».⁵

Раздел «Статьи» состоит почти целиком из новейших работ, известных только по журнальным публикациям.⁶ Частичное исключение -- «Прекрасная Маркиза», уже печатавшаяся,⁷ но для настоящего издания существенно дополненная. При отборе статей учитывалась не только их публикационная свежесть, но и тематическая злободневность; в первую очередь, это относится к двум разборам -- искандеровских «Пиров Валтасара» (о встрече артиста, дяди Сандро, со Сталиным) и записных книжек Евг. Шварца (о закулисной бестиарии советских литературы, театра и кино).

На общественно-культурную актуальность претендуют и материалы других разделов, подбиравшиеся, по желанию Издательства, с соответствующей оглядкой. Но объединяет книгу, пожалуй, даже не столько это, сколько проходящая через нее

¹ М.: Время, 2010.

² М.: Гендальф, 1995.

³ Напрасные совершенства и другие виньетки. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015.

⁴ М.: Весы, 1991; сборник перепечатан в кн. «НРЗБ. Allegro Mafioso», М.: ОГИ, 2005.

⁵ Единственная предыдущая публикация – в «Звезде» (2010, 4: 110-114), под псевдонимом.

⁶ См. «Звезда»: 2015, 10; 2016, 2, 5, 6.

⁷ См. Очные ставки с властителем. М.: РГГУ, 2011: 13-42.

неизбывная моя филологичность, нацеленность на слово, некоторая даже его фетишизация. Любопытно, что лишь недавно я с удивлением обнаружил, что именно таков лейтмотив большинства моих сочинений, от беллетристических до научных.

Рассказы открыто филологичны. В одном имитируется психоаналитический разбор знаменитой зощенковской миниатюры, в другом игриво осовременивается проза одного из мастеров Серебряного века (какого -- предоставлю разгадывать читателю), третий вообще целиком смонтирован из чужих текстов, от Гоголя до наших дней (еще одна загадка), в четвертом сексология мешается с этимологией (blue jeans/genes, «голубые джинсы/гены»). Воздушные метасловесные узоры вообще все время расшиваются по сексуальной канве -- кладутся на прочный фундамент материально-телесного низа. А заодно подключаются к мощным резервуарам властной энергии. Из рецензии М. Ямпольского на первое издание «НРЗБ»⁸ я узнал, что центральный инвариант моих рассказов -- филологическое по сути стремление приблизиться к великим властителям дум.

В виньетках я не только вспоминаю и коллекционирую прозвучавшие когда-то оригинальные словечки, но и вообще все время разбираю свое и окружающих прошлое при помощи тех же литературоведческих приемов, которые раньше применял к анализу чужих произведений, -- с отстраненным наслаждением-отвращением *читая жизнь мою*.

Сознательно мета-текстуальны -- мета-литературны, мета-художественны, мета-научны -- многие эссе. Недаром этот раздел включает эссе об эссе, своего рода мета-автопортрет, -- если угодно, селфи, -- жанра.

Осознанной недавно общей чертой объектов моего литературоведческого внимания оказался мотив «верного», магического слова, претендующего на истинность или перформативную силу. Мотив, если подумать, родственен инварианту рассказов, сформулированному Ямпольским. Ведь магия слова -- это опять-таки некая воля/приверженность/оппозиция к власти, то есть, все та же ориентация на великое, причем в типично филологическом повороте.

Сюда же примыкают давно занимающие меня исторические сюжеты, обращенные на десятки лет назад, в, согласно Генри Джеймсу, *visitable past*, «доступное для посещения прошлое», -- типа романов Вальтера Скотта, «Капитанской дочери» и «Писем Асперна». Там с хрестоматийными властителями взаимодействуют представители автора и его читателей, их недавние предки -- отцы, дядя, деды, -- так что История преподносится «домашним образом» (Пушкин), и мы по-свойски прикасаемся к ней. Тоже колдовство, но уже не словесное, а историческое.

Так или иначе на этих мотивах сосредоточиваются все вошедшие в книгу статьи. «Самозванство как прием...» -- небольшая коллекция разных типов словесной магии. В «Прекрасной Маркизе» разбираются стансы Пьера Корнеля не столько о надменной красавице, сколько о «кредите», на который поэт рассчитывает у будущих поколений. «Гегель ненароком» -- анализ знаменитых своей убедительной ошибочностью строк Пастернака об историке-пророке. «Персефонная книжка» -- о том, как личности, в основном зловещие, телефонных знакомцев Шварца оживают под волшебным пером сказочника-мемуариста. Наконец, «Семиотика власти и власть семиотики...» -- о

⁸ Эмиграция как филология // Новое русское слово, 10. 07. 1992 (<http://www-bcf.usc.edu/~alik/rus/review/iamp.htm>).

поединке двух мастеров нешуточного жизненного перформанса и его – то мгновенного, а то затягивающегося на десятилетия, но всегда рискованного -- считывания.

В каком-то смысле искусству чтения – литературных произведений, житейских ситуаций, реальных и вымышленных персонажей – посвящена вся книга.

* * *

Несколько замечаний редакторского характера.

Ранее издававшиеся материалы печатаются с минимальной правкой, которая ограничивается тройственной задачей -- избежать:

- текстуальных повторов, допустимых порознь, но не под одной обложкой;
- ложных хронологических привязок: вместо «недавно» приходится писать «как-то раз», и т. п.;

- и клейма «Содержит нецензурную брань» на обложке, введенного в издательскую практику уже после первых публикаций соответствующих текстов и в законодательном порядке обезвреживающего магический – бранный -- потенциал ненормативной лексики, хотя бы и воспроизводимой в сугубо орнаментальных целях.

Санта-Моника, май 2016 г.